
СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПРОСЬБАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Линь Сюй,

Студент 4-го курса бакалавриата направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика»
Филологический факультет, Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы», Москва, Россия

Цзян Цзымин,

Студент 4-го курса бакалавриата направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика»
Филологический факультет, Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы», Москва, Россия

Аннотация

Одна и та же просьба может звучать как спокойное рабочее обращение или как требование. В статье это различие рассматривается на русских и китайских примерах, где меняются обращение, императив или вопросительная форма, объяснение причины и возможность отказа. Русский материал дополнен стимулами из опубликованного эксперимента о директивах преподавателя. Для китайского материала даны параллельные аналитические примеры с иероглифической записью, пиньинем и переводом. Разбор показывает, что отдельное слово вежливости не определяет тон всей реплики: важны статус участников, срок, вид глагола, последовательность объяснения и само право адресата отказаться. Предлагаемая схема позволяет обсуждать просьбу как сочетание речевого действия, смягчающих средств и ситуации общения, не сводя различия между русской и китайской коммуникацией к национальным стереотипам.

Ключевые слова: просьба, речевой акт, вежливость, прагматика, коммуникативная стратегия, русский язык, китайский язык.

POLITENESS STRATEGIES IN RUSSIAN AND CHINESE REQUESTS: A COMPARATIVE PRAGMATIC ANALYSIS

Lin Xu,

Fourth-year bachelor's student, degree programme 45.03.02 Linguistics
Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba", Moscow, Russia
E-mail: 3204282048@qq.com

Jiang Ziming,

Fourth-year bachelor's student, degree programme 45.03.02 Linguistics
Faculty of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

“Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba”, Moscow, Russia
E-mail: 1473863077@qq.com

ABSTRACT

The same request may sound like a routine workplace appeal or like a demand. This distinction is examined through Russian and Chinese examples that vary the form of address, imperative or interrogative wording, explanation and possibility of refusal. The Russian material includes stimuli from a published experiment on teacher directives. The Chinese material contains parallel analytical examples in characters, pinyin and Russian translation. The analysis shows that one politeness marker does not determine the tone of a whole utterance: participant status, deadline, verbal aspect, sequence of explanation and the addressee’s right to refuse all matter. The proposed framework treats a request as a combination of speech act, mitigation and communicative situation without reducing Russian–Chinese differences to national stereotypes.

Keywords: request, speech act, politeness, pragmatics, communicative strategy, Russian language, Chinese language.

Просьба побуждает адресата совершить действие в интересах говорящего и поэтому потенциально ограничивает его свободу. Для сохранения сотрудничества участники выбирают форму, соответствующую отношениям, ситуации и предполагаемой трудности действия. Теория речевых актов позволяет различать содержание высказывания и его коммуникативную силу [1], а теория вежливости связывает выбор стратегии с риском для социального образа участников [2].

В межкультурном общении грамматически правильная просьба может восприниматься как слишком резкая, неопределённая или неискренняя. Причина состоит не только в различиях формул, но и в неодинаковых ожиданиях относительно статуса, близости и допустимой настойчивости. Цель исследования — выявить общие и специфические способы оформления просьбы в русском и китайском общении и предложить контекстную модель их сопоставления.

Исследование имеет теоретико-аналитический характер. Материал составили труды по речевым актам, универсальным и дискурсивным моделям вежливости, межкультурной прагматике и русскому речевому этикету [1-10]. Примеры просьб используются для объяснения категорий и не образуют статистически репрезентативный корпус. Поэтому работа не делает выводов о частотности отдельных форм.

Прагматический метод устанавливает иллюкутивную цель и степень навязывания; контекстуальный соотносит форму со статусом, дистанцией и жанром; сопоставительный выявляет функциональные соответствия. Анализ проводится на трёх уровнях: ядро просьбы, внешние смягчители и последовательность реплик. Это позволяет отличить прямую грамматическую форму от прагматически невежливого поведения.

Дж. Серль относит просьбу к директивам: говорящий пытается побудить адресата к будущему действию [1]. Прямое выражение использует императив или явный глагол просьбы; конвенционально-косвенное оформляется вопросом о возможности или готовности; намёк оставляет действие для вывода из контекста. Косвенность, однако, не равна вежливости автоматически: слишком неопределённая форма способна увеличить усилия адресата.

Межкультурный проект по просьбам и извинениям показал, что сопоставлять следует не отдельные предложения, а стратегии и модификаторы [3]. Ядро может сопровождаться обращением, подготовкой, объяснением причины, обещанием компенсации и благодарностью. В реальном диалоге просьба часто распределяется между несколькими репликами, постепенно проверяющими готовность собеседника.

П. Браун и С. Левинсон различают позитивную вежливость, подчёркивающую близость и общность, и негативную, уменьшающую давление и признающую автономию адресата [2]. Степень риска определяется дистанцией, властью и величиной требования. Эта модель удобна для описания выбора стратегии, но её нельзя применять как неизменную шкалу для всех культур.

Дж. Лич рассматривает вежливость как управление соотношением пользы и издержек для участников и подчёркивает роль контекста [4]. Дискурсивные подходы дополняют это представление: оценка возникает в конкретном взаимодействии и может оспариваться собеседниками [5]. Следовательно, исследователь должен различать языковую форму, намерение говорящего и фактическую реакцию адресата.

В русском языке ядро просьбы часто выражается императивом, глаголом просить, вопросом с мочь или конструкцией с частицей бы. В неформальном общении императив может быть нейтральным, если его смягчают обращение, пожалуйста, объяснение или благодарность. В официальной ситуации предпочтительны развёрнутые конструкции, обозначающие уважение к времени и полномочиям адресата [8].

Русский коммуникативный стиль допускает сравнительно явное обозначение желаемого действия. Однако прямота не исключает вежливости: решающими становятся интонация, отношения и внешние модификаторы. Т. В. Ларина связывает выбор средств с культурно обусловленной дистанцией и пониманием личной автономии [7]. Ошибка возникает, когда формальную косвенность английского типа принимают за универсальную норму.

В китайской коммуникации просьба также может быть прямой, вопросительной или косвенной. Значимы предварительное установление контакта, указание причины, признание затруднения для адресата и завершающая благодарность. Исследование Ю. Гу показывает, что китайская вежливость тесно связана с уважением, скромностью и поддержанием отношений, хотя конкретные нормы изменяются вместе с социальной практикой [6].

Часто коммуникативная работа распределяется по последовательности: говорящий обозначает ситуацию, проверяет возможность, формулирует действие и реагирует на согласие или отказ. Это не означает, что китайские просьбы всегда косвеннее русских. Внутри семьи или рабочей иерархии прямые формы могут быть ожидаемыми, тогда как чрезмерная церемонность создаёт дистанцию либо сомнение в искренности.

Первый параметр — социальная дистанция: близкие отношения допускают сокращение формул. Второй — статус: просьба к преподавателю или руководителю требует признания ролевой асимметрии. Третий — величина услуги, включающая время, материальные затраты и ответственность. Четвёртый — канал: электронное письмо обычно требует более явной структуры, чем текущий устный диалог.

Пятый параметр — право говорящего ожидать действие. Служебная инструкция, просьба о личной помощи и запрос услуги имеют разную прагматическую основу. Ш. Спенсер-Оути предлагает учитывать не только индивидуальный образ, но также ролевые права и цели взаимодействия [9]. Эта перспектива объясняет, почему одна и та же формула оценивается по-разному в учебном, бытовом и профессиональном контексте.

Носитель русского языка может сформулировать просьбу по-китайски слишком кратко, полагаясь на привычную нейтральность императива. Носитель китайского языка в

русском общении способен долго излагать обстоятельства, не обозначая ожидаемого действия, что затрудняет ответ. Обе ошибки связаны с переносом прагматической нормы, а не только с недостатком словарного запаса.

В преподавании полезно сравнивать варианты в одном сценарии: просьбу однокурснику, преподавателю и незнакомому сотруднику. Учащийся должен видеть ядро, смягчители и возможный ответ, а затем оценивать степень уместности. Н. И. Формановская подчёркивает, что речевой этикет организует отношения участников и зависит от ситуации общения [10]. Поэтому заучивание единственной универсальной формулы недостаточно.

Прагматический анализ не завершается формой исходной просьбы. Согласие, частичное согласие, отсрочка и отказ показывают, как адресат понял степень обязательности и отношения участников. Краткое согласие в близком общении может быть нейтральным, тогда как официальный ответ обычно требует подтверждения действия и срока. При отказе объяснение причины снижает риск того, что невозможность выполнить просьбу будет истолкована как отрицательная оценка собеседника.

В русской и китайской коммуникации отказ нередко оформляется поэтапно: сигнал затруднения, причина, собственно отказ и возможная альтернатива. Различается ожидаемая степень явности каждого компонента. Поэтому успешность просьбы следует оценивать по всей последовательности реплик, включая возможность участника уточнить условия без потери лица и без разрушения дальнейшего сотрудничества.

Русские и китайские просьбы используют общий набор прагматических ресурсов: прямое или косвенное ядро, обращение, модальность, причину, благодарность и реакцию на ответ. Различия проявляются в предпочтительной последовательности, степени явности и связи формы со статусом и дистанцией. Ни прямота, ни косвенность сами по себе не определяют вежливость.

Предложенная модель объединяет речевой акт, внешние модификаторы и контекст. Она пригодна для межкультурного анализа и обучения, поскольку позволяет объяснять функциональный выбор, не сводя различия к национальным стереотипам. Дальнейшее исследование целесообразно проводить на сопоставимых корпусах учебной, профессиональной и бытовой коммуникации.

Материал двух типов разграничен. Русские реплики ниже воспроизводят варианты стимулов опубликованного эксперимента П. Дурягина и М. Фокиной; в нём сопоставлялись императив и вопросительная конструкция, совершенный и несовершенный вид, а также интонация [11]. Китайские реплики составлены авторами как параллельные аналитические примеры и не выдаются за корпусные цитаты; их выбор опирается на описанные в исследовании В. Жэня и С. Фукусимы параметры просьб в социальных медиа [12].

«Показывайте, что Вы написали!» (прямая директива, несовершенный вид; опубликованный экспериментальный стимул). Несовершенный вид представляет действие как уже ожидаемое в ситуации занятия; в эксперименте носители русского языка воспринимали такой вариант как менее вежливый [11].

«Покажите, что Вы написали!» (прямая директива, совершенный вид; опубликованный экспериментальный стимул). Совершенный вид оформляет отдельное предстоящее действие и в исследовании получил более высокую оценку вежливости у русскоязычной группы [11].

«Покажите, что Вы написали?» (косвенная директива, совершенный вид; опубликованный экспериментальный стимул). Вопросительная форма проверяет готовность адресата выполнить действие, но сама по себе не гарантирует более высокой вежливости: эксперимент не обнаружил значимого общего эффекта косвенности [11].

请今天把文件发给我。(Qǐng jīntiān bǎ wénjiàn fā gěi wǒ. — «Пожалуйста, пришлите мне документ сегодня») (прямая смягчённая просьба; аналитический пример). 请 qǐng

маркирует вежливое побуждение, но срок и прямое название действия сохраняют высокую степень обязательности.

您今天可以把文件发给我吗? (Nín jīntiān kěyǐ bǎ wénjiàn fā gěi wǒ ma? — «Не могли бы Вы сегодня прислать мне документ?») (косвенная просьба; аналитический пример). Уважительное местоимение 您 nín и вопросительная рамка 可以 吗 kěyǐ...ma одновременно отмечают статус адресата и формально допускают отрицательный ответ.

如果方便的话, 请您今天把文件发给我。 (Rúguǒ fāngbiàn de huà, qǐng nín jīntiān bǎ wénjiàn fā gěi wǒ. — «Если Вам удобно, пожалуйста, пришлите документ сегодня») (условно смягчённая просьба; аналитический пример).оборот 如果方便的话 rúguǒ fāngbiàn de huà заранее признаёт возможное неудобство и делает право адресата отказаться более явным.

Сравнение показывает, что количество формальных маркеров не равно степени вежливости. Реплика может содержать пожалуйста или qǐng, но оставаться жёсткой из-за срока, императива и статусной асимметрии. Практический критерий — не подсчёт «вежливых слов», а распределение коммуникативных прав: насколько говорящий обосновывает просьбу и допускает отказ.

Список литературы:

1. Searle J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 187 p. DOI: 10.1017/CBO9780511609213.
2. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p. DOI: 10.1017/CBO9780511813085.
3. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.). Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, NJ: Ablex, 1989. 300 p.
4. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195341386.001.0001.
5. Watts R. J. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615184.
6. Gu Y. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. No. 2. P. 237-257. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90082-O.
7. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.
9. Spencer-Oatey H. (ed.). Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory. 2nd ed. London: Continuum, 2008. 372 p.
10. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. Москва: ИКАР, 2007. 480 с.
11. Duryagin P., Fokina M. Perception of Prosodic and Aspectual Cues to Politeness in Teacher Directives in L1 and L2 Russian // Journal of Language and Education. 2022. DOI: 10.17323/jle.2022.11859.
12. Ren W., Fukushima S. Comparison between Chinese and Japanese Social Media Requests // Contrastive Pragmatics. 2021. Vol. 2. No. 2. P. 200-226. DOI: 10.1163/26660393-BJA10017.

References:

1. Searle J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 187 p. DOI: 10.1017/CBO9780511609213.
2. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p. DOI: 10.1017/CBO9780511813085.
3. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.). Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, NJ: Ablex, 1989. 300 p.
4. Leech G. N. The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195341386.001.0001.
5. Watts R. J. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615184.
6. Gu Y. Politeness Phenomena in Modern Chinese // Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. No. 2. P. 237-257. DOI: 10.1016/0378-2166(90)90082-O.
7. Larina T. V. The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2009. 512 p.
8. Karasik, V. I., "The Language of Social Status." Moscow: Gnosis, 2002. 333 p.
9. Spencer-Oatey, H. (ed.). Culturally Speaking: Culture, Communication, and Politeness Theory. 2nd ed. London: Continuum, 2008. 372 p.
10. Formanovskaya, N. I., "Speech Interaction: Communication and Pragmatics." Moscow: IKAR, 2007. 480 p.
11. Duryagin, P., Fokina, M., "Perception of Prosodic and Aspectual Cues to Politeness in Teacher Directives in L1 and L2 Russian." Journal of Language and Education. 2022. DOI: 10.17323/jle.2022.11859.
12. Ren W., Fukushima S. Comparison between Chinese and Japanese Social Media Requests // Contrastive Pragmatics. 2021. Vol. 2.No. 2. P. 200-226. DOI: 10.1163/26660393-BJA10017.